

Дмитрий Михайлович Федяев

Омский государственный педагогический университет, доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры философии, Омск, Россия
e-mail: fedyaev@omgpu.ru

Галина Владимировна Горнова

Национальный исследовательский университет ИТМО, доктор философских наук,
доцент Института дизайна и урбанистики, Санкт-Петербург, Россия
e-mail: gornovagv@yandex.ru

Иммануил Кант и Александр Блок о проблеме границы: взгляды из Кёнигсберга и Петербурга

Аннотация. В статье представлена проблематика границы в философии И. Канта и поэзии А. Блока. Цель исследования — выявить балтийские «структуры повседневности» как контекст актуализации рассуждения о границах, показать, как города опосредуют рассуждения о границе. Использование геоисторической методологии Ф. Броделя позволило рассмотреть граничный дискурс в аспекте структуры, конъюнктуры и события. В аспекте структуры показано, что актуализация неопределенности как сущностного свойства границы может быть связана с влиянием моря, тональность интеллектуальной деятельности, постановка вопроса о границах и необходимость серьезных усилий для понимания ответа на вопрос связаны с материальными структурами повседневности Балтии.

Ключевые слова: граница, Кант, Блок, Кёнигсберг, Петербург, структуры повседневности.

Dmitry M. Fedyaev

Omsk State Pedagogical University, Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Professor of the Department of Philosophy, Omsk, Russia
e-mail: fedyaev@omgpu.ru

Galina V. Gornova

ITMO National Research University, Doctor of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Institute of the Design and Urban Studies, Saint Petersburg, Russia
e-mail: gornovagv@yandex.ru

Immanuel Kant and Alexander Blok on the Border Problem: Views from Konigsberg and Petersburg

Abstract. The article presents the problems of the border in the philosophy of I. Kant and the poetry of A. Blok. The aim of the study is to identify the Baltic “structures of everyday life” as a context for the actualization of reasoning about borders, to show how cities mediate reasoning about the border. The use of geohistorical methodology F. Braudel allowed us to consider the boundary discourse in terms of structure, conjuncture and events. In the aspect of structure, it is shown that the actualization of uncertainty as an essential property of the border can be associated with the influence of the sea, the tone of intellectual activity, the question of borders and the need for serious efforts to understand the answer to the question are related to the material structures of everyday life in the Baltic States.

Keywords: border, Kant, Blok, Konigsberg, Saint Petersburg, structures of everyday life.

Введение (Introduction)

Колыбелью цивилизации считают Средиземноморье с его радостным солнцем, теплом, избытком островов, облегчающих морские путешествия, разнообразием естес-

ственных условий труда. Фернан Бродель признавался, что подобно другим выходцам с Севера страстно любит Средиземноморье, он называет его миром с размытыми границами, густонаселенным и разнообразным, объясняя эту

неопределенность границ тем, что влияние моря распространяется далеко за пределы его берегов [1, с. 237, 322]. Территории, окружающие Балтийское море, были освоены позже, эти северные территории не наделялись предикатами радости и легкости, скорее, в нашем сознании они связываются со стойкостью, суровостью, не солнечностью, а свинцовостью, однако имеют сходство в аспекте неопределенности границ. Цель данной статьи — рассмотреть балтийскую специфику в артикуляции проблемы границы.

Методы (Methods)

Бродель указал на связь размытости границ с морем, мы же в наших рассуждениях воспользуемся его методологическим принципом многослойности историко-географической реальности для исследования проблемы границы, а также в поисках общего и особенного будем опираться на тезис его предшественника, представителя анархического географического детерминизма, Элизе Реклю о том, что «...география, по отношению к человеку, не что иное, как история в пространстве, точно так же, как история является географией во времени» [2, с. 4].

Принцип многослойности предполагает разделение в анализе социальной реальности на структуры, конъюнктуры и события, на «различение в историческом времени времени географического, социального и индивидуального» [1, с. 21]. Структура — это устойчивая историческая реальность, время большой длительности, панорамный взгляд на почти неподвижную историю взаимодействия человека с природной средой. Конъюнктура — сопряжение места и времени возникновения духа эпохи, мощных теоретических и идеологических течений, а узлами этого сопряжения являются города. Событийность в истории — это сверхчуткая мимолетность, зыбь на поверхности моря, пульсация времени, возникающая в ритме кратких жизней, иллюзий и переживаний людей.

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Структуры повседневности: рамки Балтии. Балтийские «структуры повседневности» формировались под влиянием ряда условий, среди которых не последнюю роль сыграло заимствование двух изобретений китайского происхождения. Первое — упряжь для лошади, пришедшая на смену ремню, подковывание лошадей, вытеснение конными повозками воловьих. Это важное изменение в числе прочих способствовало очевидному рывку вперед Северной Европы [3, с. 186]. Второе — металлические стремени. Благодаря стремени коренным образом изменилась роль лошади в военном деле, так как осуществилось, наконец, прочное соединение вооруженного воина с конем. Производство тяжелых доспехов было уже отчасти освоено античностью. Создание тяжелой конницы, происходившее на фоне классового расслоения германцев, способствовало переходу от ополчения к профессиональному войску и далее — становлению феодализма, на что указывали многие авторы [4, с. 173]. Разумеется, эти новшества не были единственными. Сыграли свою роль применение тяжелого плуга, распространение водяной и ветряной мельницы, освоение кормового руля и др., но мы выделили те, которые

оказали значительное влияние: а) на возможности освоения новых территорий и развитие земледелия; б) на становление новой социальной структуры.

Тяжелый труд по освоению территории, относительно мягкий, но не столь солнечный, как в Средиземноморье, климат, давление религии в совокупности привели к иной тональности интеллектуальной деятельности, чем та, которая была характерна для античности. Труды античных философов можно воспринимать по-разному, но многих читателей (в том числе и авторов настоящей статьи) при их чтении не оставляет чувство причастности к веселой игре, которая была неперенным спутником философского мышления греков. Примерами могут служить остроумные объяснения природных явлений (например, причиной землетрясений объявляются волны на воде, по которой плавает Земля); обсуждение вопроса о том, догонит ли Ахилл черепаху; дискуссия о свободе атома (способен ли он отклониться от заданной траектории или же нет?); черно-юмористическая сценка гибели лысого человека от падения на его голову черепахи, подкрепляющая размышления о диалектике необходимого и случайного, и др. На первый взгляд совершенно серьезными представляются труды Аристотеля, но и он, когда ему потребовалось объяснить вращательное движение небесных тел, придумал в дополнение к общеизвестным четырем стихиям пятую — эфир. А почему бы и нет? Что касается интеллектуальной деятельности на берегах Балтийского моря, то к ней относятся как к необходимому труду, серьезно, и, более того, ждут труда от аудитории, для которой предназначены ее результаты.

Конъюнктура Кёнигсберга. Город Кёнигсберг — Калининград был бы, наверное, одним из малоизвестных городов побережья Балтийского моря, не будь он неразрывно связан с именем Иммануила Канта, ставшего символом философии и примером «настоящего» философа. Сегодня нелегко представить облик города кантовских времен, поэтому правомерно, на наш взгляд, обратиться к творчеству писателя, известного своим пристрастием к точности деталей, — к Марку Алданову.

Герой романа «Девятое термидора», русский парень авантюрного склада, попадает в Кёнигсберг. Для него это еще не вполне Европа, а «всё-таки Европа». Его первое впечатление — чистота города. Местная девушка показывает ему красивые места в городе. «Однако на проверку этих достопримечательностей было немного: дворец на высоком холме, с цейхгаузом, московской залой и библиотекой, где книги были для безопасности прикованы к полкам на длинных цепочках, а на стене висел писанный с натуры портрет жены Лютера Катерины-Деворы; кафедральная церковь с шишаком маркграфа Бранденбургского и с изображением беременной его супруги, и диковинный сад, с менажерией, купца Сатургуса, где водяной насос производил отчаянный колокольный звон» [5, с. 109]. Разумеется, наш герой случайно встречает Канта и беседует с ним. Внешность Канта в его глазах выглядит комично, он дряхл и слаб. Разговор переходит с одного предмета на другой и случайно обращается к Французской революции. Парень упоминает революционеров Робеспьера и Дантона. Кант удивляется: «Разве они революционеры? Они такие же политики, такие

же министры, как те, что были до них, при покойном короле Людовике. <...> Немного хуже или, скорее, немного лучше... Какие же они революционеры?

— Кто же настоящие революционеры? — спросил озадаченный Штааль.

— Я, — сказал старик совершенно серьезно и равнодушно, как самую обыкновенную и само собой разумеющуюся вещь» [5, с. 115]. При расставании молодому человеку показалось, что в этом вроде бы смешном дряхлом старике есть что-то непонятное, недоступное и даже страшное.

Одному из авторов настоящей статьи довелось побывать в современном Калининграде, в экскурсионном режиме. Атрибут чистоты, пожалуй, сохранился. Достопримечательностей стало больше. Одна из самых популярных — зоопарк. В городе явно ощущается близость моря. Оживленная река Пригола (Прегель) не наводит на мысль о бесконечно далеком устье, чувствуется, что оно совсем рядом. Поблизости небольшие замечательные города: Светлогорск, Зеленоградск и др., в том числе Советск — бывший Тильзит, где когда-то два императора заключили мир. В Советске же сохранился прекрасный памятник прусской королеве Луизе, из-за красоты которой Наполеон, согласно его собственному шутливому рассказу, чуть было не отдал назад занятый им Магдебург. Всюду по области — памятники В. И. Ленину на роскошных пьедесталах. Гиды рассказывают, что на них раньше стояли статуи маршалов — сподвижников Наполеона.

Центр Калининграда называется островом Канта. Это действительно остров, на котором в числе прочего расположена могила Канта. Философ присутствует всюду в изображениях на значках и магнитах. На каждом — портрет и изречение, например: «Один, глядя в лужу, видит в ней грязь, а другой — отражающиеся в ней звезды».

Излагать основы кантовской философии в рамках статьи по предлагаемой тематике, очевидно, неуместно, но допустимы некоторые соображения по поводу ситуации, в которой она возникла, ее пафоса и последующей критики. Истинный философ отличается тонким чувствованием духа эпохи, а его идеи живут долго, поскольку они остаются актуальными и впоследствии. Кант переживает и осмысливает становление «фаустовской» культуры, устремленной в бесконечность. Одним из важнейших аспектов процесса развития культуры становится становление науки как особого рода деятельности и предмета особой профессии. Наука «есть то, что делают ученые» [3, с. 19].

Достаточно долго наука была принята в светских салонах. Разумеется, новое знание не рождалось в салонах, но оно было в моде. В свете считалось хорошим тоном умение поддержать разговор о механике и астрономии. Но эпицентр научной методологии неумолимо смещался от наблюдения к эксперименту, иной раз неэстетичному и в буквальном смысле дурно пахнущему. Соответственно, наука «перемещалась» из салонов в лаборатории, а экспериментальный метод нуждался в философском осмыслении. Наблюдение было для своего времени тоже революционным методом, его пафос состоял в непосредственном «чтении» книги природы, а не Библии, не сочинений Аристотеля и его последователей. Кроме того, в *небесной механике* он был

единственно возможным методом — до планет нельзя дотянуться. Эксперимент же применим к доступным объектам познания [6]. В отличие от наблюдения, эксперимент предполагает активное воздействие на предмет познания, а значит, в какой-то мере изменяет его.

Кант развивает тему активности. Согласно кантовской версии процесса познания субъект познания обращает на объект априорные формы чувственности и рассудка. Тем самым субъект чувственно и мысленно упорядочивает объект, очеловечивает. В результате он получает знание об очеловеченном объекте, о вещи для нас. Какова же вещь сама по себе, он знать не может. Природа возможна в материальном смысле «посредством характера нашей чувственности» в формальном — «благодаря характеру нашего рассудка...» [7, с. 138]. Следуя Канту, мы должны признать, что в процессе приобретения человечеством новых знаний граница знания и незнания сдвигается, «территория» познания увеличивается, но это всегда познание вещей для нас. Каждый шаг познания вперед увеличивает «очеловеченную» территорию. В этом смысле граница познанного (вещей для нас) сдвигается вперед подобно американскому «фронтиру»: граница отодвигается по мере заселения новых территорий. Возможна и иная аналогия: по мере продвижения по морю (Балтика всегда рядом) вещь в себе неумолимо отодвигается как морской горизонт.

Позиция Канта вызвала энергичную критику. Согласно Гегелю, «...вещь-в-себе, как таковая, — это не что иное, как пустая абстракция от всякой определенности; об этой вещи-в-себе, разумеется, *ничего* нельзя *знать* именно потому, что она абстракция от всякого определения» [8, с. 122].

Гегель разворачивает тему границы онтологически и гносеологически. «...*Благодаря ей нечто есть то, что оно есть, имеет в ней свое качество*» [9, с. 189]. Нечто и иное благодаря границе различаются своими качествами. «Она *середина между ними*, в которой они прекращаются. Они имеют свое *наличное бытие по ту сторону* друг друга и *их границы*; граница как небытие каждого из них есть иное обоим» [9, с. 189]. Гегель обращает особое внимание на *беспокойство*, неотделимое от границы. Беспокойство присуще всякому нечему. Будучи заключенным в границы, оно стремится выйти за нее. Нечто выводится и гонится дальше себя. Согласно Гегелю, самое понятие границы уже предполагает возможность ее перехода. «...Обычно придают *большое* значение пределам мышления, разума и т. д. и утверждают, что *невозможно* выйти за эти пределы. В этом утверждении сказывается отсутствие сознания того, что если нечто определено как предел, мы тем самым уже вышли за этот предел. Ибо некоторая определенность, граница, определена как предел лишь в противоположность к его иному вообще как к его *неограниченному*; иное некоторого предела как раз и есть *выход* за этот предел» [9, с. 197].

Согласно Ф. Энгельсу, «это утверждение, что мы не способны познать вещь в себе, во-первых, выходит из области науки в область фантазии. Оно, во-вторых, ровно ничего не прибавляет к нашему научному познанию, ибо если мы не способны заниматься вещами, то они для нас не существуют. И, в-третьих, это утверждение — не более чем

фраза, и его никогда не применяют на деле. Взятое абстрактно, оно звучит вполне вразумительно. Но пусть попробуют применить его. Что думать о зоологе, который сказал бы: «Собака имеет, *по-видимому*, четыре ноги, но мы не знаем, не имеет ли она в действительности четырех миллионов ног или вовсе не имеет ног»? <...> Но естествоиспытатели остерегаются применять в естествознании фразу о вещи в себе, позволяя себе это только тогда, когда они выходят в область философии» [10, с. 555–556].

Если Гегель и Энгельс *возражают* Канту, то В. Ф. Эрн критикует его, *продолжая* кантовскую мысль и *расширяя* область ее применения. В 1914 г. Эрн объявил Канта предтечей и идеологом германского милитаризма: «О, Кант недаром чувствовал *законодательный* характер своего разума! Хотел он предписывать законы Природе, поистине же стал Ликургом выступающего на всемирную сцену германского духа» [11, с. 102]. В статье «От Канта к Круппу» читаем, что «орудия Круппа были... всенемецкими, национальными а *rigor* всего военно-политического опыта, долженствовавшего развернуться перед ними, ...коим с неизбежностью весь сырой материал грядущих потрясений должен быть оформлен категориями и «схемами» основных вожделий пангерманизма» [11, с. 105]. Эрн заменил духовные орудия (категории) материальными (пушками Круппа), но сохранил логику кантовских рассуждений: категории несут порядок природе, крупповские орудия несут германский порядок человечеству [6].

Известны варианты «продолжения» кантовской гносеологии неокантианцами, но стоит обратить внимание и на другой вариант продолжения Канта — марксистский, диалектико-материалистический. В «Тезисах о Фейербахе» К. Маркса ключевой идеей является ведущая роль практики в познании. Практика есть деятельность, направленная на преобразование среды — природной или социальной. Нельзя не обратить внимание на то, что в ходе преобразования объект познания изменяется, но в пылу критики агностицизма эта простая мысль не получала глубокой проработки. Между тем, согласно Канту, субъект познания воздействует на объект и упорядочивает его духовными средствами (чувственными и рассудочными априори), а согласно последователям Маркса — материальными. Сходство явно имеется.

Кантовская гносеология ограничивает возможности познания, но проблема границы может быть поставлена и шире: в социологии «как проблема маргинальности, в социальной психологии — как проблема гендерной идентичности, в политике — как обсуждение геополитических реалий, в науковедении — как задача описания пограничных синтетических наук, в физике — как задачи о силах поверхностного натяжения или скин-эффекте» [12, с. 144].

Кроме актуальности в различных областях познания, проблема границы еще и эмоционально привлекательна. Д. В. Пивоваров продолжает: «В каких бы ракурсах ни рассматривалась граница, она всегда предстает чем-то неопределенным, амбивалентным — эта существенная, истинно диалектическая двойственность границы указывает на то, что именно неопределенность и есть то, что составляет качественную определенность пограничного бытия» [12, с. 144].

Вспомним еще раз, что граница, по Гегелю, рождает беспокойство. Двойственность, неопределенность, беспокойство, тревожность «провоцируют» искусство.

Конъюнктура Петербурга. Александр Блок, увлеченный темой границы, был жителем Петербурга, что казалось, например, Андрею Белому совершенно непреложным. «Взглянувши на Блока, сказали бы: Петербуржец...» [13, с. 55] Некоторые особенности Петербурга, как нам представляется, оказали наиболее существенное влияние на творчество поэта. Во-первых, Петербург — это реализованный безумно дерзкий проект — столица, построенная на границе империи. Во-вторых, это истинный ГОРОД. Есть города более грандиозные, например Нью-Йорк, но он создавался на экономической основе, а Петербург — по-русски — на костях. В-третьих, это город на болоте, хранящий память о нём.

Правомерно ли писать о Блоке после Канта? Укажем хотя бы на то, что философичность лирики Блока совершенно очевидна и общепризнанна. Тем не менее правомерен вопрос о том, как именно философское содержание произведения способно воздействовать на обычного «массового» непрофессионального читателя, определять его впечатления.

Если какое-либо литературное произведение характеризуют как философское, читатель обычно не ждет от него ничего хорошего. Ему представляется скучный текст с унылым сюжетом и неубедительными героями, которые, однако, много и красиво говорят. Автор тоже не скупится на длинные «общие» рассуждения... Тем не менее, как сказал однажды известный булгаковский персонаж, возможны исключения. Исследователя-профессионала в области литературы интересует прежде всего философичность, не лежащая на поверхности в форме прямых высказываний, а «снятая» в сюжете и физиономиях героев. Обычный же читатель вполне способен не заметить «зашифрованного» в тексте философского содержания. Тем не менее иной раз оказывается, что литературный текст несет философскую идею инвариантного характера, глубоко укорененную в человеческом опыте, а потому «носящуюся в воздухе». Такая идея самым существенным образом определяет читательское впечатление. Писатель не высказывает ее прямо, читатель ее не вербализует, не говорит себе: «А вот оно что», но ее сила ощущается. Возможно, что в этом случае философская мысль воздействует на душу читателя как архетип.

Кантовская теория познания была хорошо знакома Блоку и вызывала в нём бурное отторжение. Среди его стихов есть, пожалуй, только один, написанный с явной злостью и издевкой. Посвящен он именно Канту.

Сижу за ширмой, У меня

Такие крохотные ножки [14, с. 128].

Далее в том же духе. Сразу вспоминаются некоторые портреты философа, на которых он выглядит, прямо скажем, несолидно, но едва ли портрет сам по себе мог вызвать столь бурную поэтическую реакцию. Отталкивала кантовская философия. Выше мы упоминали о восприятии гносеологии Канта В. Ф. Эрном: она агрессивна, как крупповские орудия. Опубликованный текст, как известно, отчужден от автора и принадлежит читателям, каждый из которых

волен воспринять его как угодно. По свидетельству А. Белого, кантовская концепция, согласно Блоку, имеет своей основой страх, да еще страх перед страхом: «Таким, страхом испуганным, он считает философа Канта... мысль о границе, черте есть продукт потрясения, страха...» [13, с. 49–50] Тем не менее Блок как будто заражается темой границы, чему способствовали многочисленные публикации по философии Канта в связи с приближающейся столетней годовщиной его смерти. В блоковском осмыслении границы присутствуют две позиции. Условно назовем их «от автора» и «от лирического героя». В первой присутствует диалектика космического и хаотического.

Космос рождается из хаоса. Космос прекрасен в своей упорядоченности, но для проявления этой красоты необходим хаос с его бесформенностью. У Платона хаос превращается в материю (всеобщую кормилицу и восприимницу), а космическое начало предстает в чистом виде в прекрасном мире идей. Синтез космического и хаотического, согласно Платону, дает вещи, каждая из которых — дитя идеи и материи. Позднее, у Гегеля, в синтезе бытия и ничто становится нечто. Уже у Платона мифология становится всего лишь способом выражения теоретической мысли, но даже у Гегеля ничто несет на себе печать древнего хаоса: ничто — это не пустота, оно есть *ни то, ни другое*, тогда как нечто — *либо то, либо другое*. Ничто и нечто противопоставляются как неопределенное определенному, неоформленное оформленному.

В лирике Блока хаос наиболее явно представлен образом болота. Из всех природных субстратов болото является, наверное, наилучшим символом хаоса. Как известно, в античной философской традиции первичными стихиями считались земля, вода, воздух и огонь. Болото — это не земля и не вода. Оно может выглядеть как земля, но утонуть в нём можно, как в воде. И даже не так: оно затягивает, как зияющая пасть хаоса. Неудивительно, что мировая литература не проходит мимо болот. Достаточно вспомнить хотя бы «Собаку Баскервильей». У Блока имеется, может быть, самое «инфернальное» из всех инфернальных болот, в котором живет (водится?) некто преследуемый. Его преследователи обречены:

Мое болото их затянет,
Сомкнется мутное кольцо,
И, опрокинувшись, заглянет
Мой белый призрак им в лицо [14, с. 93].

Это болото прямо-таки потрясло Андрея Белого. В своих «Воспоминаниях о Блоке» он возвращается к этому стихотворению снова и снова, всякий раз обнаруживая в нём новые смысловые оттенки, например: «“Белый призрак” — двойник убежавшего в чащи; гносеологическое сознание, интеллект, не просвеченный Логосом...» [13, с. 97], «...образ духовный дробится в безобразность отвлеченных понятий (в “неразмыкаемый круг” и в “болото”)» [13, с. 269]. Может быть, первотолчком для поэта и была мысль о «гносеологическом сознании», но увидеть здесь именно такое содержание может только тот, кто присутствовал при рождении стиха. Обычный читатель, в отличие от Андрея Белого, скорее всего, не обнаружит этого смысла, но болото — обманчивое и затягивающее — действует и на него как явное воплощение хаотического.

Есть и иные мотивы. Болотная живность вдруг предстает жалкой, смешной и беспомощной. Болото отступает перед городом. На первый взгляд город (тем более Петербург) — столь же естественный символ космоса, как болото — хаоса. Он ли не разумно устроен? Не в городе ли дома стоят ровно, как солдаты в строю? Тем не менее в блоковском городе хаос (вовсе не смешной и не жалкий) явно преобладает, или, по крайней мере, в городе сливаются доброе и злое, космическое и хаотическое. Вот хотя бы строки о «медном всаднике»:

И если лик свободы явлен,
То прежде явлен лик змеи... [14, с. 256]

Слияние определяется не только тем, что блоковский город несет в себе память и атрибуты болота («Уводи, переулок, / В дымно-сизый туман...»), но и капитальной идеей неразделимости противоположных начал, их проникновения друг в друга и представленности одного в другом. Город и страшен, и привлекателен.

В нём всё что угодно может оборачиваться иным: «Здесь ресторан, как храмы, светел, / И храм открыт, как ресторан...» [14, с. 273] В городе живет память не только о болоте, на котором он построен, но и о людях, на чьих костях он стоит:

Над человеческим созданием,
Которое он в землю вбил,
Над смрадом, смертью и страданьем
Трезвонят до потери сил... [14, с. 397]

Наверное, в таком городе не может не быть своих призраков.

Столь же естественным, как и город, символом космической упорядоченности является дом. У Блока дом — такое же вместительное хаоса, как и город, из домов состоящий; место, в котором происходят какие-то абсурдные события, вызывающие вопрос: «Разве дом этот — дом в самом деле? / Разве так суждено меж людьми?» [14, с. 357]

Блок смело соединяет, казалось бы, несоединимое, получая неожиданно органичный синтез, например, испачканного мукой ангела:

И откликнулось небо: среди пыли и давки
Появился ангел с убеленной рукой:
Всем казалось — он вышел из маленькой лавки,
И казалось, что был он — перепачкан мукой [14, с. 252].

Итак, в позиции «от автора» граница преодолевается, правда, односторонне: хаотическое проникает в космическое, материальное — в духовное, но не наоборот. Напротив, блоковский лирический герой не может перейти границу, хотя и испытывает отмеченное Гегелем беспоконие:

Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет,
Живи еще хоть четверть века —
Всё будет так. Исхода нет [14, с. 362].

Иногда замкнутый круг существования расцветивается болезненным закатным светом:

Холодная черта зари —
Как память близкого недуга
И верный знак, что мы внутри
Неразмыкаемого круга [14, с. 94].

Напрашивается пессимистичный вывод: граница преодолевается в мысли, предпочтительно, абстрактной, но никак не в жизни.

Заключение (Conclusion)

Не раз отмечалось, что стихи Блока каким-то образом *отравляют* душу читателя, к тому же наполняя ее холодом и тяжестью, но читатель тем не менее не против такого отравления. Так, К. И. Чуковский писал, что стихи «могут влиять на наш организм (именно на организм, на кровь и мускулы), как музыка или гашиш, — и кто не помнит того отравления Блоком, когда казалось, что дурман его лирики всосался в поры и отравил кровь?» [15, с. 460].

Вернемся еще раз к Канту. Сопоставив метафизику с науками, не вызывающими сомнений в своей достоверности, с математикой и естествознанием, он приходит к выводу о недостоверности метафизики, после чего делает неожиданное

заключение: «Но чтобы дух человека когда-нибудь отказался от метафизических исследований — это так же невероятно, как и то, чтобы мы когда-нибудь перестали дышать из опасения вдыхать нечистый воздух» [7, с. 192]. Оказывается, что метафизика тоже есть нечто вроде гашиша или иного отравляющего вещества. Невольно приходит мысль о том, что стихи Блока *отравляли* читателей по причине своей *философичности* и даже *метафизичности*, которая была им явно присуща.

Событийная история: индивидуальное измерение.

В заключение приведем еще один факт. Через несколько дней после своего поэтического издевательства над Кантом, о котором мы упоминали, Блок написал еще одно стихотворение, в котором философ выглядит уже не отвратительно-манерным, а просто несчастным старым человеком. Похоже, что один отравитель всё же прочувствовал и простил другого.

Библиографический список

1. Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II : в 3 ч. М. : Языки русской культуры, 2002. Ч. 1. 495 с.
2. Реклю Э. Человек и земля : в 6 т. Т. 1 : Первобытный человек — Древняя история. СПб. : Брокгауз-Ефрон, 1906. 543 с.
3. Бернал Дж. Наука в истории общества / пер. с англ. А. М. Вязьминой, Н. М. Макаровой, Е. Г. Панфилова. М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1956. 735 с.
4. Гуревич А. Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М. : Высшая школа, 1970. 224 с.
5. Алданов М. А. Девятое термидора // Собр. соч. : в 6 т. М. : Правда, 1991. Т. 1. С. 37–318.
6. Федяев Д. М. Об отношении человека к природе: от смирения Маркиза де Сада к дерзновению Иммануила Канта // Вестн. Ом. гос. пед. ун-та. Гуманитарные исследования. 2016. № 4 (13). С. 41–44.
7. Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука // Соч. : в 6 т. М. : Мысль, 1965. Т. 4, ч. 1. С. 67–210.
8. Гегель Г. В. Ф. Наука логики : в 3 т. М. : Мысль, 1971. Т. 2. 248 с.
9. Гегель Г. В. Ф. Наука логики : в 3 т. М. : Мысль, 1970. Т. 1. 501 с.
10. Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : в 50 т. М. : Гос. изд-во полит. литературы, 1961. Т. 20. С. 339–626.
11. Эрн В. Ф. От Канта к Круппу // Вопросы философии. 1989. № 9. С. 96–108.
12. Пивоваров Д. В. Граница // Современный философский словарь / под общ. ред. В. Е. Кемерова и Т. Х. Керимова. 4-е изд., испр. и доп. М. : Академический проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2015. С. 144–147.
13. Белый А. Собр. соч. Воспоминания о Блоке / под ред. В. М. Пискунова. М. : Республика, 1995. 510 с.
14. Блок А. А. Стихотворения. Поэмы. Театр. М. : Художественная литература, 1968. 840 с.
15. Чуковский К. И. Александр Блок как человек и поэт // Соч. : в 2 т. М. : Правда, 1990. Т. 2. С. 390–497.

References

- Aldanov M. A. (1991) *Devyatoe termidora* [The Ninth Thermidor], *Collected Works*. Moscow, Pravda Publ., vol. 1, pp. 37–318. (in Russian)
- Belyi A. (1995) *Collected Works. Vospominaniya o Bloke* [Memories of Blok]*. Moscow, Respublika Publ., 510 p. (in Russian)
- Bernal J. (1956) *Nauka v istorii obshchestva* [Science in the History of Society]*. Moscow, Inostrannaya literatura Publ., 735 p. (in Russian)
- Blok A. A. (1968) *Stikhotvoreniya. Poehmy. Teatr* [Poems. Poems. Theatre]*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 840 p. (in Russian)
- Braudel F. (2002) *Sredizemnoe more i sredizemnomorskii mir v ehpokhu Filippa II* [The Mediterranean and the Mediterranean World in the Era of Philip II]*. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., part 1, 495 p. (in Russian)
- Chukovskii K. I. (1990) *Aleksandr Blok kak chelovek i poeht* [Alexander Blok as a Person and a Poet], *Works*. Moscow, Pravda Publ., vol. 2, pp. 390–497. (in Russian)
- Ehngel's F. (1961) *Dialektika prirody* [Dialectics of Nature]*, *Marx K., Engels F. Works*. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ., vol. 20, pp. 339–626. (in Russian)
- Ehrn V. F. (1989) *Ot Kanta k Kруппу* [From Kant to Krupp]*, *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy]*, no. 9, pp. 96–108. (in Russian)

Fedyayev D. M. (2016) Ob otnoshenii cheloveka k prirode: ot smireniya Markiza de Sada k derznoventiyu Immanuila Kanta [On Attitude of Man Towards Nature: From Humility of the Marquis de Sade to Boldness of Immanuel Kant], *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya* [Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research], no. 4 (13), pp. 41–44. (in Russian)

Gurevich A. Ya. (1970) *Problemy genezisa feodalizma v Zapadnoi Evrope* [Problems of the Genesis of Feudalism in Western Europe]*. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 224 p. (in Russian)

Hegel G. W. F. (1970) *Nauka logiki* [Science of Logic]*. Moscow, Mysl' Publ., vol. 1, 501 p. (in Russian)

Hegel G. W. F. (1971) *Nauka logiki* [Science of Logic]*. Moscow, Mysl' Publ., vol. 2, 248 p. (in Russian)

Kant I. (1965) Prolegomeny ko vsyakoi budushchei metafizike, mogushchei poyavit'sya kak nauka [Prolegomena to Any Future Metaphysics That Might Appear as a Science], *Works*. Moscow, Mysl' Publ., vol. 4, part 1, pp. 67–210. (in Russian)

Pivovarov D. V. (2015) Granitsa [Border]*, *Kemerov V. E., Kerimov T. Kh. (eds.) Sovremenniy filosofskiy slovar'* [Modern Philosophical Dictionary]*. 4th ed. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., Ekaterinburg, Delovaya kniga Publ., pp. 144–147. (in Russian)

Reclus É. (1906) *Chelovek i zemlya* [Man and the Earth]*. Vol. 1. *Pervobytniy chelovek — Drevnyaya istoriya* [Primitive Man — Ancient History]*. Saint Petersburg, Brokgauz-Efron Publ., 543 p. (in Russian)

* Перевод названий источников выполнен авторами статьи / Translated by the authors of the article.